

литературы, предвосхищая работы М. Бьюли, Р. Чейза, Л. Фидлера и др. Кроме того, она продемонстрировала то, какие неожиданные результаты может дать применение идей психоанализа по отношению к литературе целой нации. В произведениях, различных по стилистической, жанровой и тематической оформленности Д.Г. Лоуренс выделил доминирующие факторы, позволившие ему определить сущность американского «национального бессознательного». Ведущий критический принцип Д.Г. Лоуренса «не доверяй автору, доверяй произведению» можно успешно применить к работе «Исследования классической американской литературы», т.к. во многих случаях заключения автора являются лишь проекцией его собственных, зачастую спорных и субъективных, убеждений.

Следует отметить, что обращение Д.Г. Лоуренса к психоанализу закономерно и тесно связано с общим романтическим характером его позиции как писателя и критика. Как и романтики, он утверждает принципы иррационализма в литературе и критике, обращается к подсознательному, спонтанному, интуитивному, выражает недоверие к возможностям науки. Д.Г. Лоуренс романтически трактует содержание бессознательного, противопоставляет правду «от ума» правде «крови», «настоящее» – «кажущемуся». Открытия психоанализа – наличие в психике области бессознательного и конфликтный характер требований общества и желаний внутреннего «я» самого человека – оказались близки Д.Г. Лоуренсу и органично «вписались» в систему его взглядов. В своих практических исследованиях, особенно в «Исследованиях классической американской литературы» Д.Г. Лоуренс обращается к положениям психоанализа гораздо больше, чем можно было ожидать после прочтения его работ «Психоанализ и бессознательное» и «Фантазия бессознательного». Для него характерно использование метафор «чувство крови», «зов плоти и крови», «темные боги» вместо психоаналитических терминов «подсознательное», «инстинктивное», «интуитивное». Благодаря этому происходит сближение клинической области психоанализа со специфически художественной областью искусства.

Менее всего Д.Г. Лоуренса можно назвать ортодоксальным последователем З. Фрейда, хотя он весьма успешно использует некоторые его положения. Это проявляется, в частности, в стремлении интерпретировать произведение как выражение бессознательного его автора, «перевести» язык произведения на язык реальности, а также в анализе символики произведения.

Для критики Д.Г. Лоуренса характерен иррационализм и отсутствие четко сформулированных критических принципов, жизненность и непосредственность восприятия. В век критики он предпринимает попытку вернуть живое восприятие искусства, напомнить критику о его нравственном долге перед обществом, побудить читателя воспринимать произведение не «умом», а «сердцем».

#### Источники и литература

1. Додельцев Р.Ф. Психоанализ искусства// З. Фрейд. Художник и фантазирование. – Москва: Изд-во «Республика», 1995. – 400 с.
2. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. – Москва: Intrada, 2004. – 560 с.
3. Козлов А.С. Литературоведение Англии и США XX века. – Симферополь, 1994. – 256 с.
4. Наливайко Д.С. Искусство: направления, течения, стили. – Киев: Мистецтво, 1985. – 365 с.
5. Нефедов Н.Т. История западной критики и литературоведения. – М.: ВШ, 1988. – 271 с.
6. Фрейд З. Вступ до психоанализу з новими висновками. – К: Основи, 1998. – 709 с.
7. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Мн.: ООО «Попурри», 1997. – 606 с.
8. David Ellis. D. H. Lawrence: Dying Game 1922–1930. – University of Kent, Canterbury, 1998. – 816 p.
9. D.H. Lawrence in the Modern World/ Ed. by Preston P., Hoare P. – Basingstoke; L: Macmillan, 1989. – 221 p.
10. Lawrence D.H. A Collection of Criticism. – NY, 1973. – 151 p.
11. Lawrence D.H. Fantasia of the Unconscious; Psychoanalysis and the Unconscious. – Penguin books, in association with Heinemann, 1977. – 249 p.
12. Lawrence D.H. Studies in Classic American Literature. – New York, Viking Press, 1964. – 177 p.
13. Lawrence D.H. The Critical heritage. – Routhledge & Kegan Paul, 1970. – 377 p.

#### Назаревская М.П.

### ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНЫХ ЛАТИНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Словообразование вместе с лексикой и фразеологией принадлежит к той сфере языка, где наиболее активно и непосредственно осуществляется процесс непрерывного развития языка. Словообразование, как раздел науки, изучает родственные связи и структурные отношения слов, их морфемный состав, механизм и способы образования [1]. Каждое новосозданное слово укрепляет позиции какого-нибудь словообразовательного приёма в кругу активных словообразовательных средств данного языка, незаметно видоизменяя тем самым общую систему словообразования в языке [2]. Непосредственным предметом словообразования являются не грамматические свойства слов и не их стилистическое значение, а словообразовательная модель и словообразовательный тип.

Словообразовательная модель – это характеристика конкретных морфонологических особенностей образования слов того или иного словообразовательного типа, а именно: 1) с чередованием на стыке

морфем и без него, 2) с соединительными гласными и без них, 3) с помощью интерфиксов и без них, 4) с усечением основы и без него, 5) с наложением морфем (интерференцией) и без неё.

Словообразовательный тип – это, прежде всего, производное слово, характеризующееся такими признаками: 1) лексико–грамматические свойства производящей основы, 2) семантическое соотношение производной и производящей основ, 3) словообразовательное строение.

К основным способам словообразования в латинском языке относятся лексико – семантический, синтаксический, морфологический.

Говоря о лексико – семантическом типе словообразования применительно к латинскому языку, можно выделить такие примеры: 1) расширение значений слов в отдельных системах терминологии и номенклатуры, 2) некоторые суффиксы, имеющие эмоциональную окраску лишь в контексте, 3) военная лексика в общественно–политическом или общелексическом значении, 4) словосложение для компактного выражения синтетических, сложных понятий терминологического или определительно–оценочного характера, 5) степени сравнения, как выражение предельной степени признака или безотносительно большой меры свойства (*elativus*).

К синтаксическому типу словообразования в латинском языке можно отнести субстантивацию прилагательных и причастий и использование косвенных форм существительных и прилагательных в качестве наречий.

Наиболее продуктивным является морфологический тип: префиксация, суффиксация и словосложение. Эти способы имеют разную степень продуктивности, в пределах различных частей речи активность отдельных словообразовательных типов неодинакова [3].

Принципы словообразования латинских слов упоминаются не во всех учебниках латинского языка, которые используются в вузах и средних специальных учебных заведениях. Хотя это могло бы быть полезным для более полного знакомства с лексикой латинского языка, лучшего её понимания и усвоения. Однако эта тема не является предметом подробного рассмотрения и исследования. В учебниках « Латинский язык » под редакцией В.Н. Ярхо и В.И. Лободы, « Латинська мова », В.Д. Литвинов, Л.П. Скорина, « Латинский язык », А.Н. Попов и П.М. Шендяпин рассматривается морфологический способ, и акцент делается на префиксации и суффиксации – наиболее продуктивных способах словообразования латинских глаголов, существительных, а также дериватов. « Учебник латинского языка », З.А. Покровская и Н.Л. Кацман, « Латинский язык », Ю.М. Каган данный аспект не освещают. В пособиях по латинскому языку, предназначенных для учащихся и студентов медицинских колледжей и институтов, а также биологических факультетов тема словообразования является едва ли не одной из основных, например, в учебниках « Латинский язык » (для биологических факультетов университетов), З.М. Филиппович, « Латинский язык и основы медицинской терминологии », Л.П. Городкова и др. Перефразируя высказывание Карла Линнея: « Если не знаешь названий, теряется познание вещей », можно сказать, что при условии овладения медицинской и биологической латынью, знание названий способствует познанию вещей. Обширнейшую медицинскую и биологическую терминологию можно усвоить при условии широкого объяснения способов словообразования и закрепления полученных знаний с помощью системы упражнений и тренировочных заданий [4].

**Целью** данной статьи является рассмотрение такого способа словообразования, как словосложение, с точки зрения установления семантических связей между основами в сложных существительных и прилагательных.

Самым продуктивным способом словообразования в латинском языке представляется суффиксальный, широко используемый для образования а) существительных, которые происходят от глагольных основ, в) основ существительных и прилагательных, с) прилагательных, которые образованы от основ существительных и глаголов [5]. Суффиксальный способ словообразования является наиболее продуктивным в проекции на лексику классической эпохи, этот способ не употребляется для образования новых глаголов, однако его значение очень велико для имён. Для латинских глаголов основным способом является префиксация. Префиксация является также продуктивным способом для терминообразования с использованием приставок как латинского, так и древнегреческого происхождения. При знакомстве с терминами специального назначения (как, например, медицинские или биологические) этот вопрос требует детального изучения, т. к. омонимичные префиксы латинского и древнегреческого происхождения, употребляясь в том или ином термине, приобретают важные нюансы значения.

Говоря о словах общелексического значения, необходимо отметить, что префиксация, как способ словообразования, приоритетна для создания групп глаголов, полученных от одной производящей основы. В отношении других частей речи этот способ не так показателен.

Значение такого способа словообразования, как словосложение или сложение основ для литературного латинского языка невелико и по продуктивности данный способ можно поставить на третье место.

Рассматривать современный лексический состав латинского языка невозможно без учёта огромного количества специфических терминов, относящихся к различным областям знаний. Процесс терминообразования путём сложения основ имеет тенденцию к специализации словообразовательных средств: происходит строгое распределение связей производящих основ со словообразующими аффиксами, стандартизируются значения словообразовательных типов, усиливается тенденция к устранению дублетных образований и освобождению от полисемантности типов, выбираются наиболее жизнестойкие, т.е. высоко продуктивные и семантически монолитные [6].

В таком своеобразном “постклассическом” развитии латинского языка словосложение приобретает большое значение, как способ позволяющий создавать компактные лексические единицы, несущие

большую смысловую нагрузку, выражающие сложные понятия терминологического или определительно-оценочного характера.

Непосредственным *объектом* рассмотрения в данной работе предстанут лексические единицы образованные путём сложения основ, существительные и прилагательные, не с точки зрения грамматических свойств, и не с точки зрения их стилистического употребления, а с точки зрения семантической специфики, выделяющихся в слове морфем. Наиболее интересными и «прозрачными» в этом отношении являются слова-термины медицинской или биологической тематики. Однако в *задачи* статьи входит попытка установить наиболее распространенные семантические закономерности в сложных словах классической латыни общелексического назначения.

Под морфемным составом понимается совокупность выделяемых в слове значимых частей. Структура слова является системой взаимосвязанных друг с другом морфем, образующих слово, как лексико-грамматическое единство. Чтобы вскрыть характер структуры того или иного конкретного слова, недостаточно определить каков его морфемный состав, т.е. на какие значимые части оно распадается. В статье сделана попытка установить семантическое значение морфем и те связи и соотношения, в которых эти морфемы одна к другой находятся.

Ниже рассмотрены слова, состоящие из 2-х основ, как наиболее распространённый в латинском языке тип словосложения. (Слова, состоящие из 3-х или более основ, встречаются реже и семантические связи между основами в таких словах требуют иной характеристики.) Кроме этого, необходимо уточнить, что словообразовательная модель примеров в данном контексте не имеет значения.

К сложным именам существительным и прилагательным современного латинского языка относятся такие структуры, которые содержат заимствованные основы, заимствованные (древнегреческого происхождения) и издавна усвоенные латинским языком. Заимствованные основы могут занимать любое место в сложном слове – начальное или конечное. Чаще других встречаются сложные существительные и прилагательные, образованные из двух простых основ.

I. Наибольшее число сложных существительных можно отнести в группы слов, сформировавшихся на почве глагольно – объектных словосочетаний.

Первая группа называет исполнителя действия над объектом.

Такие существительные могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

agricola,ae,m – земледelec ( ager + colo )

signifer,eris,m – знаменосец, предводитель ( signum + fero )

caelicola,ae,m – небожитель ( caelum + colo )

aquaeductus,us,m – акведук ( aqua + duco )

chorocitharistes,ae,m – кифарист, аккомпанирующий хороводу ( *греч.* chorus + citharista )

aedifex,ficis – домостроитель ( aedes + facio )

aquilifer,ficis,m – знаменосец ( aquila + fero )

aquilex, aquilicis, m – заведующий водоснабжением ( aqua + lego )

Следующая разновидность слов близка к предыдущей группе и называет действие над объектом и формально сходные с ними название орудия действия над объектом:

aquaeductio,onis,f – водопровод ( aqua + duco )

chronographia,ae,f – летопись ( chronos + graphia )

caprificatio,onis,f – созревание фиг ( caper + facio )

calefactio,onis,f – нагревание ( caldor + facio )

dictoaudientia, ae, f – безусловное повиновение ( dictus + audio )

naufragium,i,n – кораблекрушение ( navis + franqo )

capitilavium,ii,n – мытьё головы ( caput + lavium )

Выразителем объекта в приведённых выше существительных всегда выступает первая составная часть.

Как отмечалось выше, в некоторых словах могут употребляться основы, заимствованные из древнегреческого языка.

II. Следующая группа иллюстрирует атрибутивный характер отношения первой основы ко второй:

decemvir,ri,m – децемвир ( decem + vir )

anuloculter,tri,m – кольцевой формы нож ( anus + culter )

benefactio,onis,f – благодеяние ( bene + facio )

brachilogia,ae,f – брахиология ( *греч* brachi- + logia )

triennium,ii,n – трёхлетие ( tres + annus )

interrex,regis,m – интеррекс ( inter + rex )

clarificatio,onis,f – прославление ( clarus + facio )

III. Третья группа – соединение предметов, веществ (сочинительный характер). Необходимо отметить, что эта группа слов достаточно малочисленна.

ferrifodina, ae, f – рудник ( ferrum + fodina )

nucipersicum, i, m – персик, привитый к ореху ( nux + persicus )

manifestatio, onis, f – обнаружение, проявление ( mane + festum )

Сложные прилагательные состоят из двух ( в отдельных случаях из трёх ) основ, одна из которых, собственно адъективная, всегда занимает конечное положение в слове. В этой конечной позиции могут выступать и причастные формы, которые при этом теряют свой причастный характер, и поэтому все сложное образование с причастной основой в конечной части может рассматриваться как сложное прилагательное.

Сложные прилагательные делятся на три основных структурных типа в зависимости от характера внутренних смысловых отношений между первой и второй основой. Связи между основами в сложных прилагательных можно охарактеризовать как объектные, обстоятельственно–атрибутивные и сочинительные.

I. В сложных прилагательных с объектным отношением первой основы ко второй конкретный характер этого отношения может быть различным – от аналогичного отношению прямого дополнения к глагольной основе до напминающего разнообразные конструкции с косвенным объектом.

- fatidicus, a, um – пророческий ( fatum + dico )
- sociofraudus, a, um – обманывающий товарищей ( socius + fraudo )
- ferricrepinus, a, um – бряцающий оружием ( ferrum + crepo )
- flammifluus, a, um – сверкающий ( flamma + fluo )
- terrificus, a, um – громогласный ( terror + crepo )
- lucifer, era, arum – светоносный ( lux + fero )
- mansuetus, etis – ручной, кроткий ( manus + suesco )

С морфологической точки зрения прилагательные этой группы относятся к 1–2 склонениям и их употребление, а именно, образование грамматических форм и согласование с существительными, не представляет сложности и не отмечается какими-либо особенностями. Но при переводе данных слов нельзя не отметить следующую закономерность: в русском языке почти нет соответствующих простых прилагательных, сложные латинские прилагательные с объектным отношением между основами могут быть переведены причастием настоящего времени активного залога.

II. В сложных прилагательных с обстоятельственно–атрибутивным отношением первой основы ко второй первая основа по своей семантической функции чаще всего может быть соотнесена с согласованным определением, обстоятельством образа действия, меры или степени в словосочетаниях с прилагательными, причастиями или существительными.

- septempedalis, e – семифутовый ( septem + pes )
- maledicax, acis – злоречивый ( male + dictus )
- horricomis, e – с поднятыми дыбом волосами ( horridus + coma )
- triennus, e – трёхлетний ( tres + annus )
- magniloquus, a, um – высокопарный, хвастливый ( magnus + loquus )
- terticeps, cipis – третий ( tertius + caput )
- manifestus, a, um – явный ( mane + festum )

III. Сложные прилагательные с сочинительным характером смысловых отношений между обеими основами чаще встречаются в медицинской и биологической терминологии. Приведённые ниже примеры, как указывалось ранее, не имеют терминологической направленности и в процентном отношении они составляют наименьшую группу слов. В семантическом отношении такие прилагательные отличаются от прилагательных I и II групп более выраженной эмоциональной окраской, поэтому перевод одним словом не точно отражает все оттенки значения, а в некоторых случаях их лучше переводить описательно.

- flammipes, pedis – быстрый, как пламя ( flamma + pes )
- hirundininus, a, um – ласточкин ( hirundo + nidus )
- mansuetus, a, um – ручной, прирученный ( manus + suetus )

В данном контексте было уделено внимание семантическим связям между основами в сложных латинских существительных и прилагательных, состоящих из 2-х основ. Рассмотрены слова общелексического направления классической латыни, слова терминологического характера в качестве примеров не использованы. Из приведённых примеров явствует, что наиболее частым является объектно-глагольное отношение между основами. В качестве перспективного направления данной работы можно отметить аспекты, которые не явились предметом изучения данной работы, но могут представлять определённый интерес в рамках латинского словообразования: в каждой из указанных групп существительных и прилагательных можно подробнее охарактеризовать ряд подгрупп, рассмотреть словообразовательные модели каждой группы, изучить закономерности образования слов, имеющих выраженный терминологический характер.

### Источники и литература

1. Потиха З.А. Современное русское словообразование. – М., 1986. – С.258.
2. Реформатский А.А. Морфологическая типология и проблемы классификации языка. – М., Просвещение, 1975. – С.324.
3. Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование. – М.: Наука, 1985. – С.256.
4. Филиппович З.М. Латинский язык. – К., Вища школа, 1978. – С.206.
5. Попов А.Н., Шендяпин П.М. Латинский язык. – М., 1945. – С.339.
6. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1978. – С.235.
7. Александровский Б.П., Соколовский В.Г. Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением. – М., Здоровье, 1969. – С.247.

8. Городкова Ю.И. Латинский язык. – М., Медицина, 1988. – С.252.
9. Каган Ю.М. Латинский язык. – М., Канон, 2000. – С.399.
10. Латинско – русский словарь / А.М. Малинин – М., 1961. – С.763.
11. Латинско – русский словарь / И.Х. Дворецкий – М.: «Русский язык», 1996 – С.843.
12. Покровская З.А., Кацман Н.Л. Учебник латинского языка. – М., 1969. – С.464.
13. Ярхо В.Н., Лобода В.И. Латинский язык. – М., Просвещение, 1983. – С.319.

**Перепечкина Л.А.**

## **КОННОТАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РОМАНЕ П. БИГЛЯ «ПОСЛЕДНИЙ ЕДИНОРОГ»**

Роман Питера Бигля «Последний единорог» (“The Last Unicorn”) давно и прочно причислен к классике жанра фэнтези. «Бигль – подлинный волшебник слова, мастер прозы и стиха. Его сравнивали с Льюисом Кэрроллом и Дж. Р.Р. Толкиеном, однако он не нуждается в этих сравнениях – это писатель, вне сомнения, большого и самобытного таланта» [1]. Тем более поразительным фактом является практически полная неизученность творчества этого автора, и данная работа – попытка хотя бы отчасти восполнить этот пробел. **Цель** настоящего исследования – выявить коннотативное значение эпитетов – прилагательных цветообозначения – в романе и определить их лингвостилистические и функциональные особенности. При этом использовались методы контекстуального, сопоставительного и статистического анализа, а также составления функционального тезауруса – частотного словаря авторских словоупотреблений, относящихся к семантической группе «цвет».

Цвет включает в себе возможности логического и чувственно-образного способов познания мира. Эта характеристика цвета важна для философии, потому что цвет в этом случае можно рассматривать как перевод невербального (чувственно-образного мышления) на уровень вербального. Так как цвет является компонентом культуры, то он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

В отдельном произведении или во всем своем творчестве писатель создает, воплощает самодостаточный и неповторимый художественный мир. Сторонники лингвопоэтического подхода основывали свои представления о художественном мире на выдвинутом еще в античности тезисе: имена соответствуют вещам. С этой точки зрения «все то, из чего состоит художественный мир, выражается в четких и ясных категориях – имена существительные, прилагательные, глаголы» [2, с. 453], и, следовательно, сам художественный мир – это «список тех предметов и явлений действительности, которые упомянуты в произведении, каталог его образов» [3, с. 126]. Таким образом, можно сделать вывод, что некоторое представление о художественном мире исследователю даст функциональный тезаурус – частотный словарь авторских значений слов. Само наличие слов позволяет назвать те объекты, признаки и действия, из которых состоит художественный мир, а степень частотности каждого из понятий – ту роль, которую играют данный объект, признак или данное действие в художественном мире автора [4, с. 199].

Необходимо отметить, что этот подход далеко не универсален. «Если в нехудожественном тексте семантика единиц диктует семантику связей, то в художественном – характер связей диктует семантику единиц» [5, с. 251]. Тезаурус – это всего лишь перечень слов, сгруппированных, как правило, по частотности или по алфавиту, а потому при его составлении неизбежно разурочаются те отношения, смыслообразующие связи, которые объединяли слова в исходном тексте. Описать во всей полноте художественный мир, возможность существования которого определяют именно связи между элементами, оказывается невозможно. Однако текст, по которому создается тезаурус, закончен и потому относительно самодостаточен. Следовательно, самодостаточной является и языковая система, в которой воплощена авторская концепция бытия, его мироощущение. Создавая частотный словарь слов в их словарном значении, мы получаем лишь совокупность элементов бытия, в котором ощущал себя автор. Но создание художественного мира и есть, по сути, стремление к адекватному воплощению мироощущения через комбинацию слов.

Путем объединения слов в тематические группы («цвет», «музыка», «домашняя утварь» и т.д.), исследователь получает тематические поля, каждое из которых фиксирует определенную грань, область мира. Из совокупной частотности и разнообразия слов в каждой тематической группе становится видимым, насколько данная сфера жизни в авторском мироощущении значима (высокая частотность), сложна и детализирована (разнообразие слов внутри группы). Отношения между тематическими группами (когда, скажем, одно слово принадлежит двум и более тематическим полям) проясняют важные для автора связи между определенными сферами жизни. Таким образом, формальный тезаурус может дать достаточно полное представление о тех предметах, признаках или действиях, которые определяют для автора окружающее. «Мотив и слово, – писал Л. Шпитцер, – развиваются параллельно: любимые слова поэта порождают излюбленные мотивы и обратно» [6, с. 199].

Картина мира, полученная в результате интерпретации частотных словарей, в одних случаях может подтверждать интуитивное восприятие текста, а в других – вступать с ним в противоречие.